

Ю. К. МАЙЕРС

100

ОРЕЛ / РЕШКА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
М14

Серия «Сотня»

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

На обложке использована иллюстрация Дарьи Кузнецовой

Перевод с английского Юлии Никифоровой

Е. С. Myers

Fair Coin

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,

JABberwocky Literary Agency, Inc (США) при содействии

Агентства Александра Корженевского (Россия)

Майерс, Ю. К.

М14 Орел/Решка / Ю. К. Майерс. — Москва: Издательство АСТ, 2015. — 347, [2] с. — (Сотня).

ISBN 978-5-17-088379-0

Эфраиму Скотту 16 лет. Он живет в маленьком городке Саммерсайд с матерью-алкоголичкой, влюблен в девочку, которая его не замечает, и жизнь его скучна и непримечательна. Все меняется, когда в местную больницу привозят труп человека, невероятно похожего на самого Эфраима. Среди вещей двойника Скотт находит таинственную монету, способную исполнять желания. Бросок — и его мама получает престижную работу, а об алкоголе забывает навсегда. Еще бросок — и та, о которой он мечтал, обращает на него внимание. Казалось бы, теперь в руках Эфраима ключ от всего мира, но у монеты есть побочные эффекты. Исполняя желания, она одновременно изменяет и мир вокруг, зачастую разрушая чужие жизни. Монета может дать своему владельцу все, что угодно — но сможет ли он научиться контролировать ее силу, прежде чем его удача иссякнет?

Лауреат премии Андре Нортона 2012 года, финалист премии Комптона Крука и Британской премии фантастики за лучший дебют, один из лучших романов в жанре подростковой научной фантастики — впервые на русском языке.

Подписано в печать 20.07.15.

Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж экз. Заказ №.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© 2012 by Eugene Myers. All rights reserved.

© Юлия Никифорова, перевод, 2015

© Дарья Кузнецова, иллюстрация, 2015

© 000 «Издательство АСТ», 2015

Моей маме, лучшей из всех матерей

Благодарности

Многие помогли превратить эту книгу из мечты в реальность. Премного благодарен Кэрри Райт за то, что вдохновила меня написать ее, и за то, что стала редактором и первым читателем, хоть и настаивала на том, что я потерял большинство каламбуров.

Спасибо храбрым участникам класса «Кларион Уэст 2005» и моей группе писателей «Иное течение», которые прочли ранние наброски и предложили вдохновляющую, но честную критику и советы. Я особенно признателен Крису Дайкману (за схему отвратительного сюжета, разумеется), Эми Саре Истмент, Алайе Дон Джонсон, Раджану Кханну, Меркурио Д. Ривере, Карен Робертс и Кэти Спэрроу.

Мне повезло с семьей и друзьями: они понимали, почему я игнорировал их на протяжении недель и даже месяцев, и всегда оказывались рядом, когда я внезапно жаждал компании. Майя Бернштейн была моей самой большой поклонницей с тех самых пор, как я начал писательскую деятельность, как и многие другие, кто всегда поддерживал меня и мою работу, включая Тори Аткинсона, Шона Боггса, Люси Чен, Дэна Крусси, Лиз Горински, Джеки Хидальго, Меган Хониг, Скотта Клец-

кина, Дейли МакКлинток, Рейчел Перкинс, Бена Тернера, Керри Райт и Ди Чжана.

Я искренне благодарен моему суперагенту, Эдди Шнайдеру, и всему коллективу литературного агентства «АВВегвоску», как и Кэтрин Мейсон, за то, что отшлифовали мою рукопись. И конечно, наибольшую благодарность приношу моему редактору, Лу Андерсу, он с энтузиазмом взялся за эту странную книгу и превратил ее в нечто по-настоящему особенное, а также всей команде «Руг», что не покладая рук работала на мой имидж.

Я не мог бы желать рядом с собой людей лучше.

Глава 1

Когда Эфраим зашел на кухню, мать полулежала на столе. Правой рукой сжимала полупустую бутылку водки. Рядом в пепельнице дымилась сигарета, выгорев до испачканного помадой фильтра и превратившись в серый цилиндр. Эфраим с силой затушил окурок и рукой разогнал табачный дым.

— Полагаю, это моя вина, — сообщил он бесчувственной матери.

Та напилась до беспамятства, но, скорее всего, станет винить сына за то, что тот не помчался домой из школы и не разбудил ее на вечернюю смену в супермаркете. Эфраим взялся за бутылку водки. Даже разбуди он маму сейчас, та не смогла бы работать. И уже опоздала на целый час.

— Мистер Словски опять вычтет из твоей зарплаты, — пробормотал он.

Эфраим поставил водку в раковину, наполнил на четверть водой из крана и поболтал. Запасы алкоголя приходилось экономить: они уже не могли позволить себе покупать по две бутылки в неделю, как привыкла мать. Конечно, было бы лучше для них обоих, чтобы она вообще не пропила деньги. Он плотно закрутил крышку и вернул бутылку на стол. Мать даже не шевельнулась.

— Мам.

Обычно она уже приходила в себя, бормотала неразборчивые ругательства и тянулась к очередному стакану. Но сейчас вообще не двигалась. Мир как будто замер вокруг Эфраима, исчезло гудение работавшего холодильника, шорох вентилятора на потолке. Что-то было не так.

Он дотронулся до плеча матери и наклонился к лицу, чтобы посмотреть, дышит ли она.

— Мам.

Та что-то крепко сжимала в левой руке. Желтый пузырек с лекарством. Несколько пурпурных капсул рассыпались по исцарапанному пластику. У Эфраима похолодело в груди, он никогда не видел, чтобы мать принимала таблетки, выписанные по рецепту.

— Мам!

Эфраим дотронулся до ее плеча, когда мать не отреагировала, потряс сильнее. Еще больше похожих на конфетки пилюль высыпалось из пузырька и скатилось на пол. Мягкие, они сминались под кедами, когда Эфраим обошел стол и вытащил бутылочку из обмякшей руки. Длинное химическое название на этикетке ничего ему не сказало.

Эфраим приподнял мать, и ее голова свесилась на грудь.

— Мам, — он мягко похлопал ее по щеке. — Проснись. Проснись!

Он кожей почувствовал ее дыхание. Ну уже что-то.

— Прошу тебя, проснись.

— Ммм... — пробормотала она, тряхнув головой.

— Мам!

Она вдруг распахнула глаза и уставилась на сына невидящим взглядом.

— Эфраим, где ты?

— Мам, прямо тут. Посмотри на меня.

Она пару раз моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд на его лице.

— Милый?

— Да, это я.

Она явно ничего не понимала.

— Что с тобой случилось?

Мать тряхнула головой, пытаясь отпихнуть сына, но он сжал ее плечо сильнее, опасаясь, как бы она себя не поранила.

— Нет! — пробормотала она. — Нет!

— В чем дело?

Она сползла на пол, вырываясь из его рук. Стул упал между ними, и Эфраим больно ударился бедром о край кухонного стола. Мать была сильнее, чем казалась.

— Ты умер! — Она явно пришла в себя. — Эфраима больше нет!

— Мам, успокойся. Я здесь.

— Эфраим умер, — всхлипнула она.

— Тебе это просто приснилось. Мам, посмотри на меня. Взгляни на меня! Я в порядке.

Она, пошатываясь, направилась к плите, схватилась за нее, и ее начало рвать. Прозрачная жидкость выплеснулась на грязный линолеум вместе с принятыми пилюлями.

— Черт возьми! — вырвалось у него.

Мать покачнулась, и Эфраим бросился вперед, чтобы поддержать ее.

Она рухнула на колени, склонив голову, пару раз кашлянула и уставилась на зловонную лужу. Наконец мать посмотрела вверх и в этот раз, похоже, узнала собственного сына. Она заплакала; подводка растеклась под глазами, теперь походя на синяки.

— Эфраим? Но... я видела твое тело.

Тонкая ниточка слюны свисала с ее подбородка.

— Я похож на мертвеца? — огрызнулся он.

— Ты попал под автобус, и... — она потерла лицо. — Но ты здесь. Ты живой? Ты действительно мой Эфраим?

— Мам, почему ты это сделала?

— Ты был таким юным, — она закрыла глаза. — Мой бедный малыш...

— Мам, не отключайся. Тебе нельзя засыпать, — сказал Эфраим.

— Засыпать... — эхом откликнулась она.

— Мам!

Ее губы шевелились, она что-то тихо бормотала, он ее не слышал. Он наклонился поближе, пытаясь разобрать слова, но тут она привалилась к дверце духовки и замерла.

Эфраим схватил телефон и набрал 911. Пока шли гудки, он аккуратно опустил мать на пол, подложив под голову сумочку. Руки его дрожали, глаза застилала горячие слезы.

В трубке раздался спокойный голос:

— 911, что случилось?

— Моя мама наглоталась каких-то таблеток, — сказал он.

Глава 2

Эфраиму казалось, что его стошнит, если хотя бы еще один врач или медсестра подойдут к нему и скажут, что он спас матери жизнь, или о том, как ему повезло, что он вовремя ее нашел.

До него еще не до конца дошло, что натворила мама. Что пыталась сделать.

Пока скорая ехала в госпиталь Саммерсайда, она то приходила в себя, то вновь теряла сознание. Просыпаясь, каждый раз смотрела на него так, словно не могла поверить, что он рядом. Она почему-то считала его мертвым.

Подняв глаза, он увидел, что дверь открыла медсестра с кудрявыми каштановыми волосами и доброй улыбкой. Она казалась знакомой, хотя прежде он никогда ее не встречал. Бейджик на груди сообщал, что сестру звали Джулия Моралес.

— Эфрраим Скотт? — Она произнесла его имя с раскатистым «р», так же, как делал отец, вместо обычного «Эфраим», как говорили все остальные. Ему нравилось то, как необычно звучит ее испанский акцент.

— Да. Как моя мать?

— Она все еще в интенсивной терапии, но уже в безопасности. Слава богу, что ты нашел ее вовремя.

Он поморщился.

Медсестра сразу принялась его успокаивать, присела рядом, накрыв ладонью руку Эфраима.

— С твоей матерью все будет в порядке. Доктор Диксон считает, что необратимых повреждений нет, но мы оставим ее на ночь, — она нахмурилась. — Возможно, ей придется побыть здесь подольше.

— Подольше?

— Мы не сможем отправить твою мать домой, пока не проверим ее. Мы должны удостовериться, что она не попытается снова.

— Это был несчастный случай. Она смешала лекарства. Просто перед этим она чуть перебрала с выпивкой, вот и все.

— Мальчик...

— Она никогда не делала так прежде. Она не хотела! — От громкости собственного голоса в маленьком помещении он ошеломленно замолчал.

— Хорошо, — ответила медсестра. — Как ты?

— Как я?

— Как ты себя чувствуешь? Для человека в твоем возрасте это слишком тяжелое испытание. Если хочешь поговорить...

— Я просто беспокоюсь за нее.

Она вздохнула:

— Ты ходишь в школу Саммерсайда?

Он кивнул.

— Может, ты знаешь моих девочек. Мэри и Шелли Моралес.

Вот почему женщина показалась ему знакомой. Мать Мэри и Шелли. Теперь сходство было очевидным: такие же кудрявые волосы, тот же тонкий нос и густые брови. Такая же женственная фигура.

— Я в их классе по английскому, — он не упомянул, что девушки его вряд ли знали. Близняшки были слишком популярны, чтобы обращать внимание на Эфраима, за ними волочилась куча парней, включая его лучшего друга, Натана Маккензи, на которого они не обращали ни малейшего внимания.

Он едва не спросил миссис Моралес, почему она так назвала дочерей; девушек настолько сильно обожали, что никто не смеялся над их именами, когда в прошлом семестре класс проходил «Франкенштейна».

— Так... что происходит сейчас? — спросил он. — С мамой?

— С ней как раз собирается побеседовать психолог. Он хочет понять, что случилось, когда она... — Медсестра не закончила фразу, устремив глаза в потолок. Эфраим заметил у нее на шее серебряный крестик на тонкой цепочке. — Служба опеки тоже захочет поговорить с ней. И с тобой, — добавила она.

Он стиснул зубы.

— Но обычно с ней все в порядке, правда.

Не считая алкоголизма и депрессии.

— Таковы правила больницы.

Парень глубоко вздохнул и признался:

— Она повторяла, что я... умер. Как будто действительно в это верила.

Ее рука дернулась вверх, словно она хотела благословить Эфраима.

— Кто-то допустил чудовищную ошибку, — сказала миссис Моралес.

— То есть?

— Утром к нам привезли жертву несчастного случая. Мальчик примерно твоего возраста и веса, с таким же цветом волос. Его лицо было из-

уродовано, но, если честно... я понимаю, почему его могли принять за тебя, — она внимательно посмотрела на юношу.

Тот попытался сохранить спокойный вид, хотя чувствовал, как сквозь потрясение уже пробивается настоящая злость. Но главное — его мать не сошла с ума. Она просто спутала его с кем-то еще.

— Его сбил автобус? — спросил Эфраим.

Миссис Моралес кивнула, поджав губы.

— Как раз около библиотеки. Он погиб мгновенно, хоть не мучился.

— Но, если вы не смогли даже опознать его, как об этом узнала моя мать? Почему никто сначала не позвонил в школу? Я был там все утро.

Эфраим остался после уроков, надеялся поговорить с Дженой Ким, самой потрясающей и умной девчонкой в своем классе, а в это время его мать едва не убила себя.

— У нас были причины считать, что это ты. В его бумажнике нашли твою библиотечную карточку.

Эфраим потянулся к бумажнику в правом кармане джинсов. Он пользовался карточкой буквально позавчера и помнил, куда положил ее. Или нет?

— Этого было достаточно для установления личности, но мы вызвали твою мать на опознание. Думаю, бедняга где-то нашел твою карточку. Пока ты сегодня не пришел, мы все думали, что ты мертв, — она поджала губы. — На бумаге так оно и есть до сих пор. Лучше мне это исправить.

— Могу я получить обратно свою карточку?

— Мы отдали все твои — *его* — вещи твоей матери, когда она пришла сюда, — она покачала головой. — Мне жаль, что ей пришлось через все это пройти. Если бы такое случилось с моими де-

вочками... Какая трагедия. Теперь нам придется разыскать его семью, — она встала.

Медсестра направилась к двери, когда Эфраим спросил:

— А... тело... все еще здесь?

Она глянула на него в замешательстве.

— Тебе лучше этого не видеть, — она замешкалась. — У меня смена заканчивается через час. Тебе есть куда пойти? Позвонить кому-нибудь?

Эфраим не хотел возвращаться домой. Там пришлось бы отмывать пол, ползать вокруг стола на кухне и собирать красные пилюли.

— Нет, на самом деле нет. Могу я просто остаться здесь? — спросил он.

— Ты уже достаточно сделал для нее сегодня, разве нет? У нас есть свободная комната. Старший сын этим летом работает у себя в университете.

Эфраим с трудом сдержал улыбку, представив, как говорит Натану, что спал в доме Мэри и Шелли. Но он хотел быть ближе к матери на случай, если она проснется. Ей могло понадобиться доказательство, что с ним ничего не случилось. Сегодня он должен был остаться здесь ради нее и не собирался рисковать, пока она нуждалась в его присутствии.

— Нет, спасибо, — сказал он. — Я хочу остаться здесь.

— Тогда я попрошу других сестер сообщить тебе, если что-нибудь изменится. По крайней мере ты не пропустишь ничего важного завтра в школе.

Эфраиму не нужно было напоминать. Последнего дня в школе он боялся больше всего на свете — до того момента, пока не нашел мать за кухонным столом.

Миссис Моралес вышла из комнаты, а Эфраим сидел в приемной до тех пор, пока громко не заурчало в животе. Конечно, он же пропустил обед. Не то чтобы у него разыгрался аппетит, но надо было что-то съесть. И хотя больничное кафе уже закрылось, дальше по коридору стоял торговый автомат. К несчастью, у Эфраима не было с собой ни цента.

Он взял сумочку матери. Схватил ее, когда приехали медики, на случай, если в больнице им понадобится ее удостоверение, кредитки или еще что-нибудь. Поискал мелочь, отодвинув смятые салфетки, запачканные тушью, тюбики губной помады и пустую маленькую бутылочку из-под рома. Ее он швырнул через комнату: та глухо застучала по полу позади ряда кресел.

Добравшись до дна сумки, Эфраим обнаружил чистый пластиковый пакет с надписью «Госпиталь Саммерсайд». Прощупав упакованные внутри вещи, он почувствовал, как у него покалывает в затылке от волнения. Внутри лежали бумажник, кольцо с ключами, черные электронные часы и единственный четвертак.

Эфраим бросил пакет на соседнее оранжевое сиденье и пересчитал ключи на кольце. Ровно пять, такие же, как в его кармане. Один от двери в подъезд, два от квартиры, один от шкафчика в школе и маленький круглый ключ от велосипедного замка.

Часы были дешевыми «Casio», как и те, что он носил на левой руке, только пластиковый циферблат треснул. Когда Эфраим нажал на него пальцем, по поврежденному дисплею побежали тусклые символы.

Он помедлил, прежде чем оторвать липучку серого бумажника из ткани. Тот удобно лежал в